

КВОН ЁСОН

k-fiction

Три женщины. Три истории. И одно убийство.

ЛИМОН

«Отче! прости им, ибо не знают, что делают»

Квон Ёсон

Лимон

Серия «К-фикшен»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65419553
Лимон / Квон Ёсон: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-122592-6

Аннотация

«Дело об убийстве школьной красавицы» – так называли трагический инцидент, случившийся шестнадцать лет назад. Тело старшеклассницы было найдено в парке. Под подозрение попали двое учеников старшей школы. Что произошло тем вечером? Герои этой истории долгие годы ищут ответ, строят планы мести и пытаются избавиться от чувства вины. Их навсегда связало ужасное событие, но никто из них не в силах увидеть полной картины. Одна из героинь, желая воскресить красоту погибшей, ложится под нож хирурга. Вторая не может справиться с ревностью к призраку из далекого прошлого. Третья становится невольным свидетелем растянувшейся на годы трагедии. Бывших подозреваемых преследует неумолимый рок. Найдут ли герои ответ на вопрос «кто убийца?» Будет ли это так же важно много лет спустя? Или, быть может, жизнь поставит перед ними другие вопросы?

Содержание

Основные герои	4
Шорты, 2002	5
Стихотворение, 2006	24
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Квон Ёсон

Лимон

Основные герои

Ким Хэон – старшеклассница, погибшая в 18 лет

Ким Таон – младшая сестра Ким Хэон

Юн Тхэрим – одноклассница Ким Хэон

Санхи – одноклассница Ким Хэон и подруга Ким Таон

Син Чончжун – подозреваемый в убийстве Ким Хэон

Хан Ману – свидетель по делу об убийстве Ким Хэон, а
затем – подозреваемый в убийстве

Шорты, 2002

Я рисую в воображении сцену, много лет назад происходившую в комнате для допросов одного полицейского участка. Это не значит, что я все выдумываю. Но я и не наблюдала допрос собственными глазами, так что не знаю, как сказать правильное. Моя мысленная реконструкция строится на свидетельствах подозреваемого, которыми он позже со мной поделился, на некоторых уликах, а также на личном опыте и дедуктивных догадках. Меня интересует не только этот допрос. Уже более шестнадцати лет я дотошно перебираю и подгоняю друг к другу все детали и обстоятельства «дела об убийстве школьной красавицы», как его называли. Подробности преступления так глубоко отпечатались в моей памяти, что порой возникает мучительное ощущение, будто все это я видела или даже испытала сама. Воображение может причинять такую же боль, как и реальность. Нет, даже большую, поскольку над воображением не властны ни время, ни расстояние.

Десять с лишним минут старшеклассник сидел в комнате для допросов в полном одиночестве. Кроме стола и четырех стульев, в комнате больше ничего не было. На стенах не висели картины, на столе не стояли ваза или пепельница. Некоторые люди выглядят неуклюжими, даже когда ничего

не делают, и юноша был одним из таких. Он сидел в неестественной позе, глаза затуманены, как если бы собирался заснуть. А может, просто от того, что не на чем было остановить взгляд. Словно камера, которой не на чем сфокусироваться.

Вошел следователь и уселся напротив парня. Глаза последнего слегка прояснились.

– Хан Ману!

Голос негромкий, но тон недружелюбный. Таким тоном классный руководитель или директор школы вызывают учеников перед тем, как наказать. Такая манера подразумевает враждебность, это задело юношу. Я думаю о злой иронии судьбы. Дело в том, что в школе никто не обращался к Хан Ману по имени – по крайней мере, в обычном смысле.

У него было несколько прозвищ, по-детски жестоко коверкавших имя, но самое известное появилось благодаря песне «Половина тысячелетия». Ее первые слова были созвучны имени Хан Ману, чего одноклассники не могли не заметить. Стоило слегка изменить произношение, и плач о мире, полном страданий, превращался в воззвание к Хан Ману. Школьники находили это очень смешным, и со временем забылись все прежние прозвища – его имя произносили, растягивая гласные на манер исполнителя песни: Хаан Манууу. Мне не довелось сталкиваться с ним до происшествия – когда я только перешла в старшие классы, он уже учился в выпускном. Однако я помню, как в школьном коридоре время

от времени раздавался протяжный вскрик, зовущий Хан Ману и насмешливо подражающий печальному мотиву песни. В тех гротескных подвываниях мне никогда не слышалось ничего зловещего. После происшествия они прекратились. Никто больше не хотел и не мог обращаться к Хан Ману.

Мысленно я иногда называю его так, как одноклассники. Это стало моим способом вопрошания о смысле жизни. Не в философском плане, а в самом что ни на есть прикладном. Была ли хоть крупица смысла в жизни Хан Ману? Я так не думаю. Не каждое существование наделено смыслом. Хан Ману, моя сестра, я сама. Как бы я ни искала, сколько бы ни старалась, не могу найти ответа, зачем мы появились на свет. Наши жизни – лишь случайное начало и случайный конец, вот и все.

Следователь предупредил парня, чтобы тот внимательно слушал, и стал объяснять, что этот допрос отличается от предыдущего, что надо давать хорошо обдуманые ответы, иначе ситуация грозит обернуться не в пользу Хана. Старшеклассник не отводил взгляда, но его лицо оставалось непроницаемым. Он всегда медленно соображал, однако почувствовал, что в следователе появилась угроза, какой не было в первый раз. Следователь был слишком возбужден, а возбужденные люди пугали Хана.

– Хочу уточнить твои прежние показания, – постукивая авторучкой по столу, начал детектив. – Около шести часов

вечера 30 июня 2002 года, направляясь по адресу доставки на скутере, ты обогнал машину, за рулем которой находился Син Чончжун. Верно?

– Не совсем.

– Не совсем? – Уткнувшийся в бумаги следователь исподлобья взглянул на свидетеля. – С твоих слов записано именно так.

– В то время я уже доставил еду и возвращался. По дороге обратно, а не туда.

Следователь опять опустил взгляд. Для него разница явно не имела значения.

– Почему тогда здесь написано по-другому?.. Хорошо, возвращаясь после того, как доставил заказанную еду, ты обогнал машину, за рулем которой находился Син Чончжун. Теперь верно?

– Да.

– Какой модели была машина?

– Что?

Следователю показалось, парень намеренно делает вид, будто не понял вопроса.

– Модель машины! Что за машину ты обогнал?

– Не знаю. Цвет темно-серый и будто переливается. Я все это уже говорил.

– Конечно, ты все это уже говорил. Мы занимаемся как раз тем, что проверяем твои показания. Машина темно-серого цвета с оттенками?

– Да.

Следователь показал фотографию, прикрепленную к делу:

– Это она?

Потянувшись вперед, парень рассмотрел снимок, а затем перевел взгляд на собеседника.

– Может, и она.

– Я не спрашиваю, точно ли это та машина, я спрашиваю, та ли модель?

Хан еще раз посмотрел на снимок.

– Думаю, та.

– Уверен?

– Да.

– Хорошо. Молодец.

Следователь показал другую фотографию. Парень опять внимательно ее рассмотрел.

– Это твой скутер?

Хан Ману подтвердил без раздумий.

– Прекрасно.

Делая вид, что изучает написанное, следователь тянул время перед главным выпадом.

– Теперь самое важное. Ты сообщил, что на пассажирском сиденье видел Ким Хэон. Верно?

– Да.

– Опиши еще раз, как она выглядела. Во что была одета, как уложены волосы.

– Волосы были распущены.

– Не завязаны в хвост?

– Нет.

– Что насчет одежды?

– Одежда... Топ без рукавов и шорты...

– Топ без рукавов и шорты? – Следователь выделил последнее слово.

– Да, как я уже говорил...

– Хорошая память. Какого цвета?

– Что?

Следователь с горечью подумал, что люди на допросах никогда не отвечают четко и по делу.

– Одежда. Какого цвета были топ и шорты?

– Не знаю.

– Не помнишь?

– Нет, не знаю.

– Ты знаешь, во что была одета Ким Хэон, но не знаешь, какого цвета была одежда? Что за ерунда?

– Просто не знаю.

По всем признакам старшеклассник либо что-то скрывал, либо в голове у него был туман. Следователь успел подумать, что настал момент подсечь эту рыбу, но его собеседник вдруг начал нервно оглядываться.

– Что случилось?

– Мне пора идти.

– Что?!

– Сколько времени? Я должен успеть на работу.

Парень положил ладони на стол, всем видом говоря, что готов встать и уйти. Следователь безмолвно за ним наблюдал. О чем, интересно, он мог тогда думать? Стали ли его подозрения еще сильнее? Представлял ли он, глядя на руки юноши, что они вполне способны взять булыжник и ударить им по голове жертвы? Он мог заметить, что руки Хан Ману выглядят более мощными, чем руки Син Чончжуна. Впрочем, чтобы пробить голову девушки с черными блестящими волосами, не требовалась невероятная сила. Син Чончжун казался даже более вероятным кандидатом, если учесть, что он занимался спортом и был в прекрасной физической форме. Кроме того, Хан Ману уступал Сину в росте.

Следователь прочистил горло и опять потребовал слушать внимательно.

– Нам необходимо разобраться со странностями в твоих показаниях.

Он положил перед парнем обе фотографии и начал неторопливо объяснять. Син Чончжун ездил на «Лексусе» RX 300, то есть кроссовере с высокой посадкой. Разумеется, стекла в такой машине расположены выше в сравнении с обычным легковым автомобилем. Затем следователь указал на фото скутера. Полоса обзора у человека, сидящего на таком транспортном средстве, параллельна нижней части окна «Лексуса» или располагается еще ниже. Сообщив все это, следователь спросил парня, понимает ли тот, что все это зна-

чит.

Хан Ману молчал.

Детективу пришлось ответить на вопрос самому:

– Это значит, что со своего скутера-коротышки ты совершенно точно не мог видеть, была Ким Хэон в шортах или брюках.

Несмотря на категоричность заявления, следователь все не был уверен в том, что разглядеть одежду девушки невозможно. Он всего лишь предполагал, что должно быть так. Однако, увидев озадаченное лицо свидетеля, решил, что нужно настаивать на своем.

– Выходит, ты видел Ким Хэон не в машине Син Чончжуна. Именно поэтому знаешь, что она была в шортах. Возможно, ты видел, как она выходила из машины или же как позже шла по дороге. В любом случае не в машине. Таким образом...

Хан Ману слушал, время от времени хлопая глазами. Он понимал, о чем говорит следователь, но не осознавал серьезность ситуации.

У детектива подергивались уголки губ – в предчувствии сокрушительного удара он едва сдерживал нервную ухмылку.

– Таким образом, последним, кто видел Ким Хэон живой, был не Син Чончжун, а именно ты. Догадываешься, о чем я?

Юноша молча смотрел на следователя. Тому в который раз показалось, что Хан только изображает непонимание.

Стоило встряхнуть его по-настоящему.

– Я имею в виду, что ты становишься главным подозреваемым в убийстве Ким Хэон.

От неожиданности Хан Ману дернул плечами.

– Почему я?

Реакция показалась детективу наигранной. Он посчитал, что никчемный недоросток не может даже притвориться как следует.

– Что значит – почему? Ты слышал, о чем я говорил все это время? Ты убил Ким Хэон и решил переложить вину на Син Чончжуна, дав ложные показания.

– Я этого не делал. Зачем мне ее убивать?

– Откуда я знаю. Ты мне скажи.

– Я с ней даже ни разу не разговаривал. Все считали ее молчуньей.

– Кто эти все?

– Все в школе. Даже когда к ней обращались, она редко отвечала. А я и не обращался ни разу.

Пусть слова старшеклассника и были правдой, следовательно это не интересовало, так как не имело отношения к делу.

– Хан Ману! Хватит нести чушь! Мы сейчас говорим о шортах. Ты сказал, что видел, во что одета Ким Хэон. Объясни, как тебе это удалось.

Следователь резко наклонился вперед. Сможет ли юноша оправдаться? Вдруг со скутера все было прекрасно видно?

Помолчав, Хан Ману с усилием заговорил. Со стороны

могло показаться, что он борется с тошнотой.

– Я могу ошибаться...

Парень продолжал бормотать, но следователя уже захлестнуло чувство триумфа, он ничего не слышал.

– Неужели?! Теперь ты отказываешься от своих показаний?

– Нет. Я хочу сказать...

– И что же ты хочешь сказать?

– Я могу ошибаться, но, возможно, видел не только я. Детектив сузил глаза.

– Не только ты?

Парень промолчал. Он жалел о том, что проговорился, и не хотел продолжать.

– Похоже, до тебя никак не дойдет, насколько крепко ты влип. Не пытайся выкручиваться. Все это время ты утверждал, что был один. А теперь еще кто-то появился?

– Я никогда не говорил, что был один.

– Не говорил, значит? Хорошо. Так кто там был, кроме тебя?

– Обязательно отвечать? Могу я не отвечать?

Хан Ману не хотел рассказывать о своей спутнице. Тем более здесь, в комнате для допросов. Помимо воли нахлынули воспоминания о тепле ее тела, когда она слегка прижалась к его спине. Позже, рассказывая мне обо всем этом и вызывая в памяти ее прикосновение, Хан Ману расплылся в глупой улыбке – думаю, точно такую же увидел и детектив.

– Ты что, головой тронулся?

Вытянутое помятое лицо старшеклассника напоминало залежалый соленый огурец. Следователя накрыло желание закатить Хану пощечину.

– Хватит вилять. Ты только что изменил показания. Раз утверждаешь, что был не один, рассказывай, кто был с тобой.

Поджав губы, парень некоторое время собирался с духом.

– Я...

Следователь был весь внимание.

– Я правда должен идти.

Силы покинули детектива. Этот малый умел измотать собеседника. Был он на самом деле непроходимо глуп или же, напротив, слишком умен и лишь притворялся тупицей?

– Если не будешь отвечать на мои вопросы, сегодня отсюда не выйдешь. И завтра не выйдешь, и послезавтра. Возможно, вообще никогда.

– Я не могу остаться. Они без меня не справятся. Мне надо скорее идти.

– Поэтому не тяни и рассказывай, кто вместе с тобой видел Ким Хэон.

Еле-еле слышно подозреваемый назвал имя. На этот раз следователь не ожидал ответа и пропустил сказанное. Он чуть не взорвался от злости.

– Громче!

– Тхэрим... – повторил Хан Ману, брызнув слюной.

– Что за Тхэрим?

– Юн Тхэрим.

– Юн Тхэрим? Кто это?

– Учится с Хэон в одном классе.

– Это парень или девчонка?

Юноша взглянул с недоумением:

– Конечно, девочка. Это же женский класс.

Детектив внутренне чертыхнулся. Почему от него требуется помнить, был класс Ким Хэон женским или смешанным. Он еще больше разозлился на подозреваемого.

– Почему ты до сих пор скрывал такую важную информацию? Я могу арестовать тебя за дачу ложных показаний, так как получается, что в прошлый раз ты соврал. Хотя бы сейчас ничего не скрывай! Значит, 30 июня ты был с Юн Тхэрим?

– Да.

Детектив почувствовал, как у него начинает болеть голова.

– Почему вы были вместе?

– Она попросила ее подвезти.

– На твоём допотопном скутере?

– Да.

– С тобой рехнуться можно. Стало быть, когда ты направлялся по адресу доставки, нет, черт, после того как ты доставил еду, вы ехали вместе?

– Я возвращался. Она стояла на обочине, махала рукой. Я остановился, она попросила подвезти. Повторяла, что очень

торопится.

– И вы вместе видели машину Син Чончжуна?

– Я не знал, что это его машина. Кто-то говорил, это машина его старшей сестры. Сестра купила совсем недавно, он берет покататься. Тхэрим попросила встать впереди.

– В смысле?

– Чончжун притормозил на светофоре, тогда Тхэрим сказала проехать чуть дальше и остановиться впереди.

– Впереди чего?!

– Впереди машины.

– Зачем?

– Не знаю.

– Но ты это сделал?

Следователь с трудом сдерживал раздражение. Манера парня отвлекаться на пустяки, но невнятно излагать нужную информацию страшно действовала на нервы.

– Да.

– Что дальше?

– Ну вот, поэтому.

– Поэтому что?

– Поэтому думаю, что Тхэрим тоже могла видеть. Не только я.

«Тхэрим тоже могла видеть». Детектив считал рассказ Хан Ману попыткой запутать следствие, но я сразу поняла, как все было. В тот день Юн Тхэрим хотела разузнать, кто находится в машине Син Чончжуна. Именно по этой причи-

не она попросила ее подвезти, именно по этой причине потребовала встать впереди машины. Просто Хан Ману не был способен понять скрытую суть происходящего.

– Так почему ты в прошлый раз не рассказал о Тхэрим?

– Просто... я думал, ей не понравилось.

– Что не понравилось?

– Ехать на скутере.

– Ей не понравился твой скутер?

– Это же Тхэрим.

– Что в ней особенного?

– Она бы даже близко не подошла к скутеру.

– Тхэрим сама так сказала?

– Да.

– Зачем же ты ее повез?

– Она попросила. И махала рукой. Я ей не предлагал.

– Ты ей не предлагал, это я понял. Но зачем ты ее повез, если ей не нравится твой скутер? И опять спрашиваю: почему ты сразу обо всем этом не рассказал?

– Вы просто не понимаете! Она ни за что на свете не сядет на скутер, любой.

Следователю захотелось кричать во весь голос.

– Хорошо, хорошо, дело не в тебе и не в твоём скутере, а в скутерах вообще. Она не ездит на скутерах. Теперь я все правильно понял?

– Никогда не ездит. Тем более на скутерах для доставки еды. Вы не представляете, как я удивился, когда она попро-

сила. Потом слезла и сразу убежала, так ей не понравилось.
– Значит, сразу убежала? А что за срочное дело у нее было?

– Срочное дело?

– Ты сказал, она очень торопилась...

– Я не спросил.

«Что за идиот», – подумал детектив. Не знаю, был ли идиотом он сам, однако как можно не догадаться, что за срочное дело было у девушки, считавшей ниже своего достоинства ездить на скутерах, но при этом попросившей недалеко школьника ее подвезти и обогнать машину Син Чончжуна? Как можно не понять, что она хотела увидеть, кто едет в машине? А разглядев, что рядом с Чончжуном сидит моя сестра, Тхэрим больше не нуждалась в услугах подвозившего ее парня. Я хотела бы взглянуть на сцену в машине ее глазами. Увидеть, какой красивой, холодной и безжалостной показалась Тхэрим моя сестра.

Следователь тряхнул головой. Безмозглый недоросток приплел Юн Тхэрим и постарался все запутать, но, если подумать, в тщательно разработанной версии никаких трещин не появилось.

– Только знаешь что, Хан Ману? Все это вранье тебе не поможет.

– Я не вру. Но мне надо идти. Можно?

– Не врешь? Да все это стопроцентное вранье! Я, конеч-

но, допрошу Юн Тхэрим, но тебе стоило придумать что-нибудь поубедительней. Как она могла видеть то, чего ты сам не мог видеть? Хорошо, допустим, тебе все-таки удалось разглядеть, что у Ким Хэон были распущены волосы и что на ней был топ. Но как девчонка могла увидеть больше? Она что, выше тебя ростом? Да пусть даже выше! Ни ты, ни она не могли видеть, что Ким Хэон была в шортах.

– Мне правда пора идти, – хмуро произнес школьник.

– Ты чем меня слушаешь?! Я уже сто раз повторил, что на твоём гребаном карликовом скутере никто не смог бы разглядеть, что она была в шортах!

– Хорошо.

– Хорошо?! Нет, посмотрите на него! Теперь ты наконец признаешься? – В запале вскричал детектив.

– Я просто не знаю, что еще сказать. Но я хотел попросить...

Следователь наострил уши.

– Не обзывайте мой скутер, пожалуйста.

Детектив обреченно засмеялся.

– Ну что ты опять несешь?.. Ладно, спрашиваю в последний раз. Ты видел, что Ким Хэон была в шортах, и поэтому думаешь, что Юн Тхэрим тоже могла это заметить. Все верно?

– Да.

– Я проверю, но если она не подтвердит, твои дела плохи.

– Теперь я могу идти?

– Давай, проваливай.

Следователь угрюмо наблюдал, как парень встал, попрощался и, шаркая кроссовками, зашпешил к двери. Некоторое время он продолжал сидеть, погруженный в мысли, то и дело ударяя папкой с бумагами по столу. Я знаю эту его привычку. Как и манеру постукивать исписанной авторучкой по стопке безупречно составленных документов следствия. Хорошо помню его лицо, его интонации, короткую и толстую, как у гориллы, шею, мощные плечи. Он несколько раз приходил к нам домой, а мы с мамой, в свою очередь, несколько раз были в полицейском участке.

В тот день детектив сосредоточенно просчитывал ситуацию, сравнивая подозреваемых: похожее на сморщенный соленый огурец лицо Хан Ману и чистое, гладкое лицо Син Чончжуна; дешевую майку футбольного болельщика, в которую был одет один, и дорогую рубашку второго; мать-вдову и отца, работавшего бухгалтером; худшие оценки в классе и одну из лучших успеваемости в школе; доверие, которое вызывали свидетели, подтвердившие алиби обеих сторон. Прикидывая все это, следователь не пытался понять, кто из двоих совершил преступление, а решал, кому из них разрушить жизнь, объявив убийцей. Потому что именно это он намеревался сделать.

Я часто проигрывала в воображении сцену второго допроса Хан Ману, подгоняя факты друг к другу, подобно тому,

как сооружают постройку из конструктора «Лего». Его допрашивали семь раз, но именно второй допрос задал направление следствию и предопределил судьбу дела. Мысленно возвращаясь в тот день, я постоянно обнаруживала, что та или иная деталь слишком выделяется из остальных аккуратных кубиков «Лего». Однако это не было связано ни с детективом, ни с Хан Ману. Дело было только во мне.

Точно так же и в этот раз. Представляя, как следователь смотрит на руки подозреваемого, я написала, что не требовалось невероятной силы, чтобы пробить голову девушки с черными блестящими волосами. «Черные блестящие волосы» как раз и являются той неуместной деталью, которая по какой-то причине попала к остальным. Достаточно было сказать «пробить голову девушки» – разве существенно в данном случае описание ее волос? Да и мог ли следователь во время допроса рассуждать в таких бесполезных живописных подробностях? Хотя я уверена, что детектив время от времени не мог не думать, какой красивой была моя сестра. Но это неважно. Проблема во мне; в том, что, представляя сцену допроса, я использую кубики, не подходящие по размеру. В воссозданных размышлениях детектива отражаются мои собственные чувства и мое собственное отчаяние. Вероятно, это признак того, что я до сих пор не освободилась от прошлого. Все эти ненужные декоративные детали свидетельствуют, что и шестнадцать лет спустя я нахожусь в плену воспоминаний о той великолепной красоте. Красоте, из-за ко-

торой позволила перекроить свое собственное лицо, теперь ставшее похожим на дешевый платок, собранный из обрезков.

Сестра была настолько красива, что, однажды увидев ее, трудно было забыть. Завораживающее совершенство формы, не имевшей содержания. Ей было всего восемнадцать лет. Кто разрушил эту безупречную форму? Хан Ману, Син Чончжун, неизвестный третий? По крайней мере, теперь я знаю, кто из них точно не совершал преступления. Нет, убийца известен мне тоже. Именно поэтому я сделала то, что сделала, и нет мне прощения.

Я слышу, как ребенок смеется в ответ на шутку бабушки. Детский смех – как звук колокольчика, напоминающий о моей вине. Моя дочка скоро пойдет в школу. До шестнадцати лет, до того самого июньского дня, я не могла и представить, что за жизнь меня ждет. Я никогда не хотела такой жизни. Но все обернулось именно так, и в этом должен быть хоть какой-то смысл. Я не хотела такой жизни, но это не значит, что не я ее выбрала.

Стихотворение, 2006

Солнце светило совсем неохотно. Выйдя из библиотеки и спускаясь по лестнице, я заметила студентку, поднимавшуюся по противоположной стороне, – девушка была одета в бежевую блузку и желтую юбку. Весь день накануне лил дождь, и из-за недостатка солнца широкая цементная лестница все еще оставалась местами мокрого темно-серого цвета.

Увидев девушку, шагавшую по сырой лестнице вверх, я отвела взгляд, но затем опять посмотрела на нее. Я не могла воспротивиться ни тому ни другому. Студентка была очень худой; возможно, из-за цвета одежды бросалась в глаза желтизна ее кожи.

Когда мы приблизились друг к другу, я поняла, что девушка одета не в блузку и юбку, а в желтое платье, цвет которого книзу становился более сочным. Вверху совсем светлый, цвет менялся по всей длине, пока не превращался в почти оранжевый, как кожура мандарина. Однако мое внимание привлекала не одежда, подобно цветовой палитре представлявшая все оттенки желтого, а выражение лица незнакомки. Не хочу сказать, что ее лицо выражало что-то особенное. Напротив, в нем не было ничего, достойного называться собственно выражением. Мой взгляд привлекло лицо, выражение на котором отсутствовало.

Эта странность вызвала необъяснимое тревожное чув-

ство. Никогда раньше я не встречала людей, выглядящих так необычно. Ничего не выражающее лицо девушки казалось не отрешенным, а загадочным, непостижимым. Оно мне было знакомо и незнакомо одновременно. Я поняла, что видела его в прошлом, однако в то же время знала, что гляжу на него впервые; оно было мне известно, но я не смогла бы этого утверждать; оно вызывало желание отвернуться, но в то же время притягивало взгляд. Лицо студентки не было отталкивающим или некрасивым. Напротив, девушку можно было назвать почти красавицей. В красном предзакатном солнце она, одетая в желтое, казалась яркой сердцевинкой пламени. Однако за этим красочным существом, словно сырая лестница, тянулась мрачная серая тень.

Почувствовав взгляд, студентка посмотрела в мою сторону. Ее глаза говорили, что ей нет до меня никакого дела. Тем не менее я поняла, что она меня знает. Нахлынувший беспричинный страх чуть не заставил меня сбежать, но желание выяснить, кто же она, было сильнее.

Я направилась к знакомой незнакомке наискосок по широкой лестнице. Она остановилась и слегка наклонила голову в знак приветствия.

В то же мгновение давно забытое имя само слетело с моих губ:

– Ким Таон!

– Вы меня узнали, – сказала она в ответ.

На самом деле я не была до конца уверена, что передо

мной младшая сестра Ким Хэон. Ее голос казался таким же чужим, как и лицо. «Конечно, узнала», – произнесла я, но, даже говоря это, все еще сомневалась. Пусть на секунду, но я понадеялась, что все это ошибка и я смогу извиниться и уйти.

Я хотела было сказать, как сильно она изменилась, но стоило мне начать, на лице Таон возникла болезненная гримаса, означавшая, что она заранее знает все, что я сообщу.

На всякий случай я решила быть осторожнее.

– Ты похудела.

Таон слабо улыбнулась.

– А вы совсем не изменились.

Мне показалось, что ее подчеркнутая вежливость призывает держать дистанцию, и меня это огорчило, но еще больше расстроила ее вымученная улыбка. Раньше Таон так не улыбалась. Всего несколько лет назад она то и дело заливалась звонким, немного дребезжащим смехом, а ее улыбка была широкой и искренней.

Не осознавая, что делаю, я дотронулась до ее руки.

– Если у тебя есть свободное время, может, посидим где-нибудь, выпьем чаю?

От неожиданности Таон отшатнулась, моя ладонь скользнула по ее локтю. Он был ненормально острым. Худоба Таон была просто пугающей.

Когда отец ушел в отставку с военной службы, я была

старшеклассницей. Он несколько месяцев сидел без работы, и атмосфера в доме становилась все более гнетущей. Мама ворчала, вопрошая пустоту, почему отец ничего не умеет. Возясь на кухне с готовкой, она жаловалась себе самой: «Ничего не умеет, совсем ничего». Помню, как, узнав, что я перестала быть лучшей ученицей в классе, мама неожиданно захлопала в ладоши и начала хвалить меня так громко, словно хотела, чтобы услышал кто-то еще: «Прекрасно, Санхи! Прекрасно! – говорила она. – Денег на институт у нас все равно нет». К счастью, по рекомендации одного из бывших сослуживцев для отца нашлось место в небольшой фирме в пригороде Сеула, и мы переехали из провинции в столицу.

В конце ноября, взволнованная и преисполненная надежд, я пошла в новую школу. Там учились и мальчики, и девочки, но классы не были смешанными. Несмотря на желание, мне никак не удавалось подружиться с одноклассниками. Учебный год подходил к концу. У классного руководителя, учителя физкультуры, никогда не было на нас времени, и уж тем более на новичков, переведенных из других школ. Позже я узнала, что физрук играл на бирже. Все его уроки были поставлены на утро: как только они заканчивались, он исчезал, даже не пообедав; часть обязанностей классного руководителя он перекладывал на старосту класса. Мне казалось, что одноклассницы, включая старосту, сговорились меня не замечать. Я не знала, как еще объяснить, почему никто из них не хотел даже говорить со мной. Я была совершенно

одна, не имея ни единого шанса стать частью школьного коллектива с давно и прочно установившимися отношениями.

Не думала, что когда-нибудь такое случится, но я тосковала по старой школе и по нашему провинциальному городку. Вспоминала кривую дорожку, ведущую к школе, дома с громоздкими серыми крышами, бельевые веревки с разноцветными прищепками, яркие вертушки, бешено вращавшиеся на ветру, огромный дуб в центре городка и даже похожее на черный клубок гнездо на одной из его мощных ветвей.

Я чувствовала себя одинокой бродяжкой, но из гордости делала вид, что погружена в учебу. Однако невозможно делать вид, что погружен в учебу, учебой пренебрегая, так что я действительно стала прилежно заниматься.

Самым тяжелым испытанием был холод городских улиц, по которым я брела в школу и обратно. Я хотела, чтобы поскорее начался новый учебный год. Пока отношения в новом классе будут непрочными, пока они не успеют оформиться и опять стать нерушимыми, я могла бы успеть найти подруг. Не скрою, когда после зимних каникул [объявили о распределении по классам на следующий год](#), я не без удовольствия наблюдала, как одноклассницы со слезами на глазах прощаются друг с другом.

Однако, когда я увидела, как в новом классе девочки сразу же находят себе приятельниц, собираются по двое или трое и шепчутся о чем-то своем, меня охватило отчаяние. Выходило, что только для меня все было сложно. Я опять оказа-

лась лишней – девочки раньше учились в разных классах, но школа была та же, и для них не составляло труда найти общий язык. Предыдущие годы, проведенные в одной школе, были их капиталом, а у меня не было ни гроша за душой. Я сидела в одиночестве и твердила про себя, что ничего не умею, совсем ничего.

Некоторое время спустя, в очередной раз бросив взгляд на одноклассниц, я заметила одну девушку и от изумления забыла о своем несчастье. У нее были большие миндалевидные глаза и рдеющие, как лепестки, губы. Она была очень красива, но не как известные мне красавицы. Не знаю, как лучше объяснить. Точно так перехватывает дыхание, когда слышишь сирену машины скорой помощи – это была резкая, почти пугающая красота. От девушки невозможно было отвести глаз.

Однако то, что произошло дальше, взволновало меня гораздо сильнее. Я заметила, что та девушка пристально рассматривает одну из одноклассниц. Школьница, бывшая предметом ее интереса, смотрела в окно. Вдруг она повернулась к классу и оказалась лицом ко мне. Еще почти не видя ее, я поняла, что она тоже красива, но когда она обернулась, красота заполнила все вокруг.

Если в случае с первой я подумала о резкой сирене, то красота второй распахнулась, как с хлопком раскрывается парашют. С головы до ног меня окатило горячей волной. Я не была готова оказаться лицом к лицу с таким нереальным,

неописуемым совершенством. Классная комната перестала существовать – я будто перенеслась в сказку. Встревоженная и смущенная, я заставила себя рассматривать других одноклассниц, пытаюсь делать вид, что со мной все в порядке.

Больше ничего не произошло. Вероятно, ошеломленная только что увиденной красотой, я уже не находила ни одного приятного лица – остальные девочки были нескладными и несимпатичными простушками. Однако их удручающая заурядность помогла мне вернуться с небес на землю. Продолжая разглядывать одноклассниц со смешанным чувством безразличия и облегчения, я думала, что в их глазах выгляжу так же непривлекательно. Пока не появился наш новый классный руководитель, стареющий учитель математики, я уныло размышляла о том, каким убогим сборищем мы являемся. Даже Юн Тхэрим с ее миндалевидными глазами и пламенеющими лепестками губ. Да, в сравнении с совершенной, божественной красотой Ким Хэон красавица Тхэрим не так уж от нас отличалась.

Я узнала об этом позже, но в том же году младшая сестра Хэон тоже начала ходить в нашу школу. О Хэон часто говорили и в школе, и за ее пределами, а вскоре начали обсуждать и Таон. Не просто потому, что она была младшей сестрой Хэон, а из-за абсолютной непохожести сестер. Хэон была высокой и стройной, пропорционально сложенной, у нее была бледная кожа и всегда мечтательное, не от мира сего лицо. Таон, напротив, была невысокого роста и полненькой,

ее лицо – совершенно обыкновенным. Одаренная потрясающей красотой Хэон сильно отставала от других в учебе, а невзрачная Таон с самого начала стала лучшей ученицей не только класса, но и школы. Хэон сторонилась остальных, была сдержанной и безразличной ко всему окружающему, редко говорила с людьми и еще реже смеялась. Таон и в этом от нее отличалась – была любопытна, активна, хорошо разбиралась во всем, а ее смех постоянно разносился по всей школе.

Отношения между сестрами не были похожи на обычные: Таон заботилась о Хэон, словно это она была старшей, а Хэон – младшей. Каждый день перед школьными воротами Таон останавливала сестру и внимательно проверяла, все ли у той в порядке со школьной формой. Школьники не могли сдерживать приступов смеха при виде этой картины, потому что белая блузка самой Таон вечно была заляпана чернилами или супом.

Уроки у Таон заканчивались раньше, и она всегда ждала в коридоре, пока освободится и наш класс – домой сестры уходили вместе. Как правило, Хэон беспрекословно слушалась младшую, но порой что-то случалось и Хэон пыталась отделаться от сестры – тогда можно было наблюдать, как по коридору или через спортивную площадку перед школой, словно богиня, мчится изящная белокожая Хэон, а за ней с воплями и криками, будто дикий зверь, пытается угнаться Таон. И учителя, и ученики, кому приходилось видеть подоб-

ные сцены, заливались смехом. Рядом с бойкой, подвижной, жизнерадостной Таон волшебная красавица Хэон становилась в наших глазах более реальной, земной. Только благодаря сестре Хэон могла показаться одной из нас.

Меня связал с Таон школьный литературный клуб. Я стала посещать его по программе факультативных занятий, как только перевелась в новую школу. Преподавал в клубе молодой и преисполненный энтузиазма учитель корейского языка. Он уделял внимание даже мне, появившейся в конце учебного года, хвалил мои стихи и иногда зачитывал их перед всеми. В следующем, выпускном, классе мы были освобождены от факультативов, но преподаватель предложил не бросать занятия, если это не будет слишком отвлекать меня от учебы, и обещал выбирать для обсуждения стихи и прозу, которые часто включают в экзаменационные тесты. Я не видела причин отказываться и ответила, что с радостью продолжу заниматься.

В новом учебном году в клубе появились ученики, только начавшие ходить в старшие классы. Среди них была и Таон, круглолицая и краснощекая, словно деревенская девица. Она писала неплохие стихи, в них были свежесть и оригинальность, но, как признавала она сама, ее поэзии не хватало выразительной силы. На занятии Таон могла вслух отчитать саму себя за бездарность, могла в сердцах заявить, что желала бы очистить память – «отформатировать свою память», как она говорила – от всех стихов, находящихся там с дет-

ства; могла бить себя по голове пухлым кулачком, бормоча что-то нечленораздельное. В такие моменты я едва сдерживала улыбку, хотя понимала, каким мучительным бывает процесс творчества. Тогда мне казалось, что трудно найти человека, менее похожего на гениального поэта (каким я его представляла – не по опыту, а в силу ограниченного воображения – человека чувствительного, с беспокойным пронзительным взглядом и непременно резкими скулами), чем напоминающую урчащего медвежонка Таон.

Я училась в одном классе с Хэон почти полгода, но, если бы меня попросили о ней рассказать, смогла бы говорить только о ее головокружительной, постоянно изумляющей красоте. Зато о Таон, с которой мы виделись раз в неделю в литературном клубе, смогла бы рассказывать бесконечно. Я знала, как на ее лице отражаются сменяющие друг друга эмоции, когда Таон говорит о стихах; мне пришлось почувствовать вес и теплоту ее тела, когда Таон бросилась обниматься, узнав, что нам нравится один и тот же роман; даже еще не войдя в класс, где собирался клуб, я могла определить, на каком месте сидит Таон, потому что ее смех всегда подсказывал направление. Рядом с Таон я задавалась вопросом: была ли я в свое время такой же беспечной и жизнерадостной, – и жалела о прошлом, словно нас разделяла не разница в два года, а целая жизнь.

В июне того года проходил чемпионат мира по футболу.

Даже нас, с головой погруженных в занятия учеников выпускных классов, не могло не захватить всеобщее ликование по поводу серии побед корейской команды. Только после церемонии закрытия 30 июня я с ужасом осознала, что завтра начинается июль и мне придется заниматься все каникулы, чтобы наверстать упущенное.

В связи с завершением чемпионата 1 июля было объявлено выходным днем, и мы пошли в школу только 2-го. С того самого дня и до конца учебного года место Хэон в классе оставалось пустым. 1 июля ее мертвое тело нашли в парке недалеко от школы. Эта кошмарная новость заставила нас забыть даже о футбольных успехах.

До начала летних каникул мы только и делали, что пересказывали друг другу неизвестно откуда появлявшуюся информацию об убийстве и расследовании. Учителям было не под силу остановить пересуды. Самые осведомленные ученики устраивали целые лекции, с помощью вычислений и рисунков на доске объясняя всем желающим подробности дела. В результате даже те недалекие школьники, кто, впервые услышав выражение «удар тупым предметом по голове», пытался представить, какой такой «неумный» предмет мог иметься в виду, вскоре выучили всю специальную терминологию и строили теории, ловко жонглируя необычными словечками.

Сначала главным подозреваемым считался Син Чончжун, но вскоре стало известно о его непричастности к преступле-

нию. Предполагалось, что убийство произошло между десятью часами вечера 30 июня (как раз тогда я смотрела на настольный календарь и переживала за учебу) и двумя часами ночи 1 июля, но на это время у Чончжуна имелось неопровержимое алиби. Как вскоре всем стало известно, около шести часов вечера 30 июня Чончжун действительно катался с Хэон на новой машине – точнее, новой машине его старшей сестры, – однако около семи вечера уже распрощался с Хэон и отправился к друзьям, в компанию деток богатых родителей, вместе с которыми сначала ужинал в элитном ресторане (самые дорогие суши, самый дорогой японский алкоголь) и смотрел финальный матч Германии с Бразилией, а затем, около десяти вечера, с ними же ушел в модный ночной клуб, где развлекался всю ночь. На рассвете компания похмелилась в забегаловке возле клуба, и только после этого Чончжун остался один. Алиби подтвердили и друзья Чончжуна, и официант ресторана, и работники ночного клуба, и владелец последнего заведения.

Чончжуна оштрафовали за вождение без прав и временно исключили из школы за посещение ночного клуба, ходить куда несовершеннолетний не имел права, но только и всего. Когда срок наказания закончился, Чончжун не вернулся в школу – говорили, что он уехал учиться в Америку еще до того, как администрация объявила об исключении. Мы недоумевали, зачем в таком случае нужен был спектакль с исключением, но по-настоящему никому не было дела, и о

странном поведении школьного руководства вскоре забыли.

Следом за Син Чончжуном главным подозреваемым стал Хан Ману. Сначала он проходил по делу свидетелем, так как видел машину, в которой находились Хэон и Чончжун, но в его показаниях имелись странности, из-за которых Ману и попал под подозрение. То и дело появлялись новые слухи – о том, что Ману дал не ложные показания, а просто, по своему обыкновению, не смог ничего внятно объяснить; о том, что Ману хитро продумал, как все рассказать, но проницательный детектив его раскусил; о том, что Ману почти обманул следствие, но Юн Тхэрим его разоблачила. Самой большой проблемой было отсутствие алиби. Ману утверждал, что 30 июня до одиннадцати часов вечера находился в ресторанчике, где давно подрабатывал, а затем вернулся домой и сразу лег спать. Кроме матери и младшей сестры, некому было подтвердить, что он добрался до дома в обычное время, но на деле все оказалось еще хуже: мать в ту ночь работала, а сестра уже спала. Последняя, правда, сообщила, что сквозь сон слышала, как пришел брат, но следствие посчитало ее заявление неубедительным.

Рассказывали, что в полиции Ману заставляли признаться в убийстве, угрожали и даже били. Однако улик против него не было, мотив был совершенно надуманным, и Ману в конце концов отпустили. Но и после освобождения полицейские наведывались с расспросами, не давая спокойно жить ни ему, ни его матери и сестре.

Вскоре школьники разделились на два лагеря: тех, кто считал убийцей Син Чончжуна, и тех, кто полагал, что убил Хан Ману. Казалось, что вторых намного больше, но на самом деле лагерь просто был громче – обвинявшие Хан Ману не боялись высказывать свое мнение. Те же, кто считал преступником Син Чончжуна, вели себя осторожнее и обычно шептались где-нибудь в уголке. Несмотря на сдержанность – а может быть, как раз благодаря ей, – мнение этого лагеря выглядело более весомым и убедительным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.